

Почему важно изучать феномен отчисления студентов?

Интервью с И. Д. Фруминым,
научным руководителем Института развития образования

— Исак Давидович, Вы были одним из инициаторов исследования студенческих отчислений в Вышке. Почему возник интерес к этой теме?

— В свое время у меня появился как научный, так и личный интерес к этой теме. Научный интерес возник, когда я обнаружил, что педагогические исследования в России очень сильно отличаются от аналогичных зарубежных исследований. Мы провели контент-анализ педагогических исследований в России и на Западе и обнаружили два существенных различия. Первое различие — в методологии. Российские исследования условно на 70% представляли собой рассуждения, а зарубежные исследования на 70% были эмпирическими работами. Второе различие касалось тематики. Выяснилось, что есть ряд тем, которые вообще не популярны у российских исследователей и в то же время чрезвычайно популярны за рубежом. Одна такая тема связана с вопросами равенства и неравенства в образовании. Вторая тема, которой в зарубежных исследованиях уделяется большое внимание, — это феномен drop-out. В России мы называем это отчислениями, но, на мой взгляд, термин «отсев» лучше передает смысл английского слова «drop-out»; это буквально «спрыгивание». Так вот, российских работ по этой проблематике нам обнаружить почти не удалось. И мне, конечно, хотелось понять, почему и как сложилось такое тематическое различие. Об этом можно поговорить отдельно. Важно, что без преодоления этого тематического разрыва невозможна наша интеграция в мировую науку об образовании. А для меня это является самостоятельной важной задачей.

Что касается личного интереса, то, как Вы знаете, у меня есть довольно большой опыт собственной индивидуальной педагогической деятельности. И поскольку я начинал работать как школьный учитель и директор школы, а также как университетский преподаватель, через некоторое время меня озадачило, а потом стало серьезно огорчать то, что некоторые ребята и девушки, которые в школе были очень многообещающими, затем не оправдывали ожиданий, в первую очередь, ожиданий родителей. Причем часто это не было сознательным решением о смене профессии. Такие случаи тоже были. Например, один из моих любимых учеников бросил физический факультет университета и ушел в театральное училище. Это одна ситуация, но больше было ситуаций, когда человека отчисляли, потом забирали в армию или же он куда-то устраивался работать,

потом нередко начинались наркотики и другие феномены социального разрушения. И сам молодой человек, и его семья были несчастливы.

— Правильно ли я понял, что Ваше внимание привлекли истории, когда отчисление влекло за собой какие-то социальные последствия, рассматриваемые обычно как негативные?

— Да, конечно, и, понимаете, не просто негативные, а драматические. Моя позиция состоит в том, что в пределе мы находимся в очень рискованном бизнесе. Если то, что мы делаем, если то, как мы работаем — даже в одном случае из десятка тысяч, из ста тысяч, — прямо или косвенно является причиной самоубийства молодого человека, — это очень серьезный повод задуматься. Пожалуй, я даже не буду объяснять, почему.

Но даже если не рассматривать самоубийство, которое является предельной ситуацией, те жизненные истории, которые я наблюдал, очень часто показывали, что отчисление из вуза, учебный неуспех или постоянная маркировка студента как неудачного в значительной степени определяли последующие жизненные неудачи. Если некоторый феномен связан с поломанными судьбами, то он заслуживает нашего внимания и изучения. Конечно, бывает, что с человека «как с гуся вода» и он или она спокойно переходит в другое место и так далее. Но даже если в каком-то малом проценте случаев происходит обратное, то в этом надо разбираться.

— Это, безусловно, важно, но, насколько я понимаю, одно из основных обоснований интереса к этой теме за рубежом, в частности в США, — экономическое. Государство вкладывает в образование человека или сам человек вкладывает деньги в собственное образование, а если он в какой-то момент отчисляется, то сделанные вложения — это просто потерянные деньги. На Ваш взгляд, такое обоснование важности исследований отсева является вторичным по отношению к личностной проблеме или также должно присутствовать?

— Это важная мотивация для исследования. Я говорил о самоубийстве, чтобы показать предельную остроту этой проблемы. Но отсев интересует меня и как массовый феномен. И здесь Вы совершенно правы — мы должны серьезно посмотреть на экономическую сторону дела. Сегодня, являясь чемпионами мира по охвату высшим образованием, не знаем о том, сколько мы отчисляем.

Когда я поступил в университет, нам декан сказал (потом я выяснил, что это было своеобразной тради-

цией на многих математических факультетах хороших университетов): «Посмотрите на соседа! Вас останется примерно половина, значит, один из двоих не закончит университет». Мы похихикали, а он оказался прав. Что же этот факт значит в терминах расходов на образование и премии за образование, которую получает общество? Некоторые сторонники теории человеческого капитала часто говорят, что отчисленный студент в любом случае повысил свой человеческий капитал, а следовательно, не нужно волноваться по этому поводу. А сторонники теории сигналов говорят, что волноваться надо, потому что, грубо говоря, он должен обязательно получить степень. В этом смысле он должен завершить свое обучение, и только тогда у него существенно возрастет стоимость на рынке труда. И неслучайно в целом ряде американских штатов сейчас реализуется система «дотягивания» людей до степеней. То есть вузы специально выискивают тех, у кого есть незаконченное высшее образование, и предлагают помощь в том, чтобы его закончить.

Еще раз повторяю, здесь есть целый ряд вопросов, на которые у нас нет просто эмпирических ответов. У нас очень мало исследований, по результатам которых можно обоснованно сказать, какая у нас премия на год образования в том случае, если образование не закончено. Предполагаю, что, как и за рубежом, рост отсева делает расходы на образование менее эффективными.

— Часто можно услышать мнение, в том числе и от преподавателей, руководителей вузов, что высокий уровень отчислений студентов свидетельствует о высоком качестве образования. Следовательно, может быть, нет ничего негативного в большой доле отчислений?

— Здесь есть два уровня проблемы. Во-первых, уровень университета или факультета в целом. О чем говорит такое мнение, высказанное руководством? Оно говорит о том, что индивидуальные судьбы студентов оказываются для образовательного института второстепенными. То есть для него качество образования — это некоторая интегральная характеристика, а не успех каждого студента.

Такое отношение к человеку, как к щепке, которая летит, если рубят лес, как мне кажется, обусловлено некоторыми нашими, скажем так, привычками. Многие исследователи утверждают, что целый ряд исторических обстоятельств, от крепостничества до коллективизации, формировали культуру низкой ценности индивида: «Общественное выше личного». В известной советской песне «Широка страна моя родная» есть строчка «За нее мы кровь прольем с охотой» — это же людоедская культура. И чем меньше у нас в стране институтов поддержки человека, тем сильнее эта культура развивается. И наша система образования таким институтом не является. Она является институтом, опирающимся не на поддержку, а на угрозу. Другой логики здесь нет. Почему, например, у нас за две «двойки» не выгоняют, а за три «двойки»

выгоняют? Да, государство, когда платит деньги за обучение студента, ожидает, что он быстро выучится. Но если студент учится за свои деньги, пусть он учится, сколько ему «влезет»! Дайте молодым людям второй и третий шанс. Отсутствие институтов поддержки порождает привычку смотреть на страдания человека, на его неудачи как на норму.

Отсюда мы выходим на второй уровень проблемы — на позицию отдельных преподавателей. Я очень уважаю тех своих коллег, которые проявляют высокую требовательность на экзаменах. Но, с моей точки зрения, высокие требования не тождественны высокому качеству преподавательской работы. К нам поступают лучшие выпускники школ страны. Если по итогам какого-то курса больше половины из них заваливает экзамен, то, может быть, их как-то не так учили или требования радикально неадекватны? Иногда, увы, за высокими требованиями лежит педагогическое честолюбие, а не педагогическое мастерство.

Другое возможное объяснение такой позиции — психологическое. Как показал Фуко, иногда образование становится просто формой власти и подавления. И известные западные исследования психологии учителей показывают, что это нередко, к сожалению, — люди с комплексами, которые в преподавании находят удовлетворение своим властным инстинктам. А тут у тебя такая власть появляется, ты можешь заставить человека плакать перед тобой, можешь показать ему, что он — пыль под ногами, потому что он не может взять особенно сложный интеграл.

— Однако сторонники высокого уровня отчислений утверждают, в частности, что это вынужденная мера в условиях массовизации высшего образования. Снижается нижняя входная граница для поступления в вуз, следовательно, необходимо больше отсеивать, чтобы «держать планку». Состоятелен ли такой аргумент?

— Абсолютно не состоятелен. Когда мы принимаем студентов, мы с ними договариваемся об определенных вещах. Никто нас, например Вышку, за язык не тянул, делать три экзамена по ЕГЭ. Мы можем пойти по пути Московского государственного университета, сделать четыре экзамена по ЕГЭ, плюс еще свой какой-нибудь зубодробительный. Нет, мы договорились, что нам хватает вот этих трех экзаменов. Значит, мы объявили студентам, что если ты честно сдал эти экзамены, то ты нам подходишь и мы тебя обещаем выучить. После этого выясняется, что часть этих студентов, оказывается, нам не подходит.

Я разговаривал с некоторыми ребятами, которых мы отчисляем. Да, они стараются, у них не получается. Они не получают у нас достаточной помощи. И тут мы начинаем говорить, что не подписывали с ними договор о помощи! Но как же так? Если мы его приняли, то мы обещали его научить, если, конечно, он будет стараться. Но если все разговоры — о том, что он, оказывается, не способен к обучению, — вот это, по моему, абсолютное лукавство. Если ты сам устано-

вил правила отбора, то отбирай тех, кого ты можешь научить. А если не можешь научить, то честно об этом людям говори. Поэтому я думаю, что о высоком качестве преподавания высокий отсев, конечно, не свидетельствует. Да, это свидетельствует о высоких требованиях. Но нужно честно предъявлять эти требования на входе, а не в процессе обучения.

— Тем не менее, даже если установить такую систему отбора, которая препятствует высокому отсеvu, не исключены случаи, когда вчерашние школьники, приходя в университет, что называется, «не сориентировались». Не сориентировались, потому что приход в вуз — это новая жизнь, новая социальная роль, которую не все, может быть, удачно принимают. Что может сделать вуз для того, чтобы избежать таких случаев?

— Во-первых, вуз может изменить свои вступительные процедуры. Если мы так озабочены тем, что студенты не могут себя организовать, давайте сделаем экзамен по тайм-менеджменту.

Во-вторых, важно развивать механизмы поддержки студента. Когда я учился, у нас были кураторы, которые специально помогали тем, у кого были проблемы в учебе. Так, со мной учился парень из деревни, ему приходилось работать, он из-за этого действительно не мог на все занятия ходить. И у него начинались проблемы, которые куратор помогал решить.

Да, часто студент не выполняет своих обязательств перед вузом. Но, к сожалению, мы не подписываем развернутый договор, где понятно и честно представлены взаимные обязательства. Думаю, что в таком договоре нам пришлось бы предусмотреть значительно более масштабную систему учебной поддержки студентов.

— Если вернуться к зарубежным исследованиям, каковы основные выводы и рекомендации, которые были сделаны по их итогам?

— Прежде чем говорить о выводах, я бы отметил, что у нас совершенно разная структура отсева. В западных университетах, как правило, это настоящий drop-out, т.е. студент прекращает учиться. Вот там уж для него все возможности созданы: он может посещать меньше курсов, чем другие; он может строить себе индивидуальную траекторию, но все равно бросает. Правда, в Гарварде, таких, если не ошибаюсь, 3% или 4% за всю — за всю — траекторию обучения. А в вузах, где много детей из семей этнических меньшинств, уровень отсева доходит до 50%. У нас же наиболее распространенной причиной отсева является отчисление за академическую неуспеваемость.

Я думаю, что само по себе это различие показывает существенную разницу в отношениях между вузом и студентом.

Если говорить о выводах, которые сделали американцы, то они подтверждают очень простую вещь: культурный и социальный капитал являются предикторами учебной успешности и неуспешности. И в этом смысле западные вузы недостаточно приспособились к новым категориям студентов, которые не приносят из семьи культуры тайм-менеджмента, которые не привыкли работать в библиотеках и т.д. Поэтому студенты из таких семей получают дополнительную поддержку, если они ее запрашивают.

— На Ваш взгляд, какие проблемы и объекты для исследования являются наиболее интересными применительно к тематике отсева?

— Наиболее интересной и сложной категорией являются собственно отчисляемые, или только что отчисленные, или ушедшие. Мне кажется, нам следовало бы в России особенно тщательно изучить социально-экономический аспект отчислений. Например, давайте посмотрим на долю отчисленных среди преступников или других групп. Посмотрим на их заработки — действительно ли у нас, так же как на Западе, скачкообразно увеличивается премия на образование после получения диплома.

Также мне представляется, что в нашей стране было бы очень интересно изучить и культуру университетов относительно человека. На Западе все преподаватели знают, что чем выше у тебя уровень отчислений, тем хуже твой университет. Это является очень важным индикатором качества университета. Гарвард, Массачусетский институт, Йель с гордостью говорят, что у них показатель выживаемости очень высок. И в этом смысле было бы интересно посмотреть на ценности наших профессоров, что они думают по этому поводу, испытывают ли они удовольствие, поставив 60% «двоек» на своем экзамене. Я не хочу обидеть своих коллег, я просто думаю, что иногда нам надо понять, что мы все являемся продуктами тех или иных культурных условий, традиций и, может быть, нам надо в какой-то момент посмотреть на себя со стороны.

— Большое спасибо за Ваше компетентное мнение, которое может стать отправной точкой для более развернутых дискуссий по проблеме!

Беседовал И. Чириков